

УДК 323, 327, 329

EDN: GGHWYX

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran520253242>

## БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ МАРКЕР НОРВЕГИИ

Иван Романович Скрипка

ИЕ РАН, Москва, Россия, e-mail: [iv.scriпка@yandex.ru](mailto:iv.scriпка@yandex.ru), ORCID: 0000-0002-0770-6693

**Ссылка для цитирования:** Скрипка И.Р. Безопасность как электоральный маркер Норвегии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2025. № 5. С. 32–42. DOI: 10.15211/vestnikieran520253242

**Аннотация.** В статье анализируется трактовка проблемы безопасности в Норвегии участниками электоральных процессов в 2025 г. Автор показывает, что глобальная и региональная нестабильность, усиление геополитических рисков и киберугроз превратили вопросы обороны в центральный фактор предвыборной борьбы. Национальная стратегия безопасности 2025 г. впервые институционализировала комплексное понимание безопасности, включающее военные, экономические, цифровые и социальные аспекты, что предопределило и повестку парламентских выборов. На основе анализа партийных программ и электоральных результатов сделан вывод, что безопасность стала показательным вопросом там, где политические силы конкурируют не за признание её значимости, а за демонстрацию компетентности в её обеспечении. Результаты выборов закрепили доверие к Рабочей партии и её курсу системной адаптации к угрозам при одновременном росте популярности Партии прогресса, артикулирующей более жёсткую и национально ориентированную линию. Это отражает двойственность общественного запроса: стремление к систематизированной мобилизации и готовность части электората поддерживать радикальные меры. В региональном контексте Норвегия предстаёт ключевым узлом оборонной архитектуры Северной Европы и Арктики, совмещающая роль опоры НАТО и посредника в сохранении ограниченных каналов диалога с Россией. Таким образом, безопасность закрепляется как основной электоральный маркер, определяющий траектории внутренней и внешней политики страны.

**Ключевые слова:** Норвегия, Балтийско-Скандинавский макрорегион, Северная Европа, Скандинавия, национальная безопасность, Рабочая партия, Партия прогресса, тотальная оборона, Арктика.

Статья поступила: 06.10.2025; после доработки: 29.10.2025; принята к печати: 05.11.2025.

## SECURITY AS NORWAY'S ELECTORAL MARKER

Ivan R. Skripka

---

© Скрипка И.Р. – м.н.с. Центра Северной Европы Отдела страновых исследований ИЕ РАН. Материал подготовлен в рамках государственного задания Минобрнауки РФ (тема НИР № FMZS-2024-0013 «Системный анализ хозяйственно-политических рисков и возможностей Балтийско-Скандинавского макрорегиона»).

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,  
e-mail: iv.skripka@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-0770-6693

**To cite this article:** Skripka, I.R. (2025). Security as Norway's electoral marker. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN* 47(5): 32–42. (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran520253242

**Abstract.** *The article examines security perceptions in Norway during the 2025 electoral cycle. It demonstrates how global and regional instability, growing geopolitical risks, and the rise of cyber threats turned defense and resilience issues into the central factor of the election campaign. The 2025 National Security Strategy institutionalized, for the first time, a comprehensive understanding of security, encompassing military, economic, digital, and social dimensions, thereby shaping the agenda of the parliamentary elections. Based on the analysis of party programs and electoral outcomes, the study shows that security became a valence issue, with political forces competing not over its importance but over their competence in addressing it. The election results confirmed trust in the Labour Party and its course of systemic adaptation to threats, while also recording the rise of the Progress Party, which promoted a tougher, nationally oriented stance. This reflected the dual nature of public demand: institutionalized mobilization on the one hand, and readiness to support radical measures on the other. In the regional context, Norway emerges as a key node of Northern European and Arctic defense architecture, combining the role of NATO's outpost with that of a mediator maintaining limited dialogue with Russia. Thus, security has become the main electoral marker defining the trajectories of Norway's domestic and foreign policy.*

**Key words:** Norway, Baltic-Scandinavian macroregion, Northern Europe, Scandinavia, national security, Labour Party, Progress Party, total defense, Arctic.

Article received: 06.10.2025; revised: 29.10.2025; accepted: 05.11.2025.

Глобальная и региональная политическая нестабильность влияет на восприятие национальной безопасности в Норвегии, делая её ключевым электоральным фактором. Растёт напряжённость между крупными державами, миграционные и энергетические проблемы сочетаются с ростом кибератак и гибридных угроз. Украинский кризис усилил ощущение опасности и спровоцировал пересмотр программ обороны в ряде европейских стран. В Норвегии, с её стратегическим расположением и границей с Россией, эти изменения напрямую влияют на национальную политику.

Теоретически это соответствует логике секьюритизации, когда вызовы переводятся в разряд экзистенциальных угроз и становятся центральным элементом электорального выбора (Buzan, Waever, de Wilde 1998). В результате признаётся возможность применения чрезвычайных мер и перераспределения ресурсов. В норвежском случае это означает, что определение политики России, Китая, а также кибератак и энергетических рисков как «фундаментальных угроз» трансформирует не только оборонное планирование, но и электоральную повестку дня, задавая партиям и обществу новые параметры политической конкуренции.

Анализ сосредоточен на электоральном цикле 2025 г. После правительственного кризиса начала года безопасность впервые вышла на уровень приоритетной предвыборной темы. В отличие от кампании 2021 г., где данный вопрос занимал периферийное место, в 2025 г. он превратился в ключевой фактор партийной конкуренции. Специфика норвежской политики такова, что электоральная мобилизация концентрируется в пределах года выборов с началом

партийных съездов, публикации политических программ на следующие четыре года и старта телевизионных дебатов.

### **Стратегия национальной безопасности Норвегии 2025 г. как часть предвыборной кампании**

8 мая 2025 г. правительство во главе с премьер-министром Йонасом Гаре Стёре представило первую в истории страны национальную стратегию безопасности (Nasjonal sikkerhetssstrategi... 2025), где официально признаётся, что Норвегия сталкивается с «самой серьёзной ситуацией с точки зрения безопасности со времён Второй мировой войны». Документ стал ключевым элементом формирования электоральной повестки, а его положения активно использовались партиями как инструмент политического самоопределения: одни рассматривали стратегию как подтверждение институционального курса на стабильность, другие – как символ избыточной зависимости от союзников. Таким образом, анализ стратегии позволяет понять, как именно безопасность трансформировалась из внешнеполитического в электоральный вопрос.

В документе определены шесть базовых национальных интересов: свободная и самостоятельная страна; сильная демократия; безопасное общество с высоким уровнем доверия; открытая и адаптивная экономика; приверженность Североатлантическому альянсу (НАТО) и единству с Европой; мир, основанный на международном праве. Установлены три стратегических приоритета – усиление обороноспособности, повышение общей стабильности общества и укрепление экономической безопасности. Таким образом, акценты смещаются от традиционного понимания обороны исключительно в военных категориях к более комплексному подходу, включающему инфраструктуру, энергетику и цифровую среду.

Документ обозначает ключевую роль НАТО, при этом отмечая возрастающую нестабильность трансатлантических связей: «Продолжительное масштабное присутствие США в Европе – не гарантия». Поэтому стратегия подчёркивает необходимость укрепления сотрудничества с европейскими партнёрами, включая Великобританию, Францию, Германию, Польшу и страны Балтии. В то же время правительство не оставляет без внимания и «российскую угрозу». Стратегия содержит предупреждение о «более опасной России» и обеспокоенность действиями Китая, включая его нарастающее военное и экономическое присутствие в Арктике. Для норвежской политической риторики это означает отход от традиционной осторожности по отношению к Москве и Пекину и переход к прямому обозначению угроз.

Особое внимание уделено укреплению обороны на арктических территориях Норвегии. Регион рассматривается не только как зона военной уязвимости, но и как источник ресурсов, транспортных маршрутов и новых стратегических возможностей. Контроль над северными территориями приобретает особое значение: речь идёт не только о защите границ, но и об обеспечении стабильной работы энергетической инфраструктуры, включая газопроводы и морские платформы в Баренцевом море.

Возвращается концепция тотальной обороны, подразумевающая вовлечение всего общества в обеспечение безопасности. С января 2025 г. правительство Норвегии приводит в порядок убежища, расширяет систему спутниковой связи и укрепляет логистическую инфраструктуру для войск НАТО. Граждан учат реагировать на кризисные ситуации (Tassama 2024), что напоминает об опыте времён холодной войны. В то же время программы адаптированы к новым вызовам – киберугрозам, энергетическим кризисам, возможным диверсиям.

Вместе с тем реализация новой стратегии вызывает дискуссии. Представители бизнеса отмечают слабую проработку роли частного сектора: розничные сети, энергетические ком-

паний и операторы связи остаются уязвимыми в условиях кризиса (Eriksen 2025). Полиция и профсоюзы указывают на недооценку правоохранительных органов в новой системе: недостаточная численность и ресурсы снижают их способность эффективно реагировать на терроризм и организованную преступность (Skatvold 2025).

Всё это имеет прямое отношение к электоральному процессу. Вопросы безопасности больше не воспринимаются как второстепенные по сравнению с социальной политикой: они становятся определяющим фактором партийных программ. Украинский кризис, рост цен на энергоресурсы, активность России в Арктике, риск кибератак и диверсий превращают дискуссии о безопасности в полемику о будущем социального государства, о том, как распределять ресурсы между обороной и традиционными функциями государства благосостояния. На выборах 2025 г. норвежские партии были вынуждены демонстрировать не только приверженность общим ценностям, но и конкретные предложения по укреплению обороны, защите инфраструктуры и адаптации к новым угрозам. Безопасность, бывшая ранее одной из тем предвыборных кампаний, превратилась в центральный вопрос, определяющий восприятие избирателями экономических, социальных и внешнеполитических приоритетов. Именно в этой связи особое значение приобретает анализ того, каким образом ведущие политические силы страны обозначают свои подходы к обороне и национальной безопасности. Различия в стратегиях, приоритетах и акцентах между партиями позволяет выявить не только спектр политических решений, но и противоречия внутри норвежского общества.

### **Тематика безопасности и её значение в партийной борьбе 2025 г.**

Поворот в осмыслении безопасности как общественного приоритета стал важнейшим вызовом для всей норвежской партийно-политической системы, спровоцировав не просто коррекцию риторики, но и значительные смещения в политических раскладах. Обнародование Национальной стратегии за несколько месяцев до парламентских выборов трансформировало электоральную повестку, выведя вопросы обороны и безопасности на ведущие позиции в политических дебатах.

Обострение внимания к стратегическим угрозам привело к резкому росту значимости соответствующей проблематики для избирателей. Согласно результатам опроса, проведённого по заказу газеты *Aftenposten* исследовательской компанией *Respons Analyse* весной 2025 г. (Noe dramatisk har... 2025), 30% респондентов назвали темы обороны и безопасности определяющими при голосовании – это наивысший показатель со времён холодной войны. Для сравнения: накануне выборов 2021 г. только 6% норвежцев (Norske velgere har... 2021) придавали им значение. В терминах теории электорального поведения речь идёт о таком вопросе (Stokes 1963), где партии конкурируют не за признание важности самой темы, а за демонстрацию большей компетентности в её решении. Различаются они лишь по акцентам и стратегиям реализации. Это позволяет объяснить, почему тема безопасности на определённом этапе избирательной кампании заняла доминирующее место и обеспечила рост популярности сил, наиболее убедительно интегрировавших её в свои программы и действия.

Возрастное распределение ответов показывает определённую асимметрию восприятия: среди избирателей старше 65 лет оборона и безопасность волнуют 41% респондентов, тогда как среди молодёжи до 35 лет – лишь 19%. Этот дисбаланс наглядно проявился в динамике партийной поддержки: наибольший прирост электоральных симпатий зафиксировали те силы, которые оперативно встроили соответствующую риторику в свои предвыборные программы.

В программных документах правоцентристских партий тема безопасности заняла доми-

нирующее положение. «Хёйре» (Høyres valgprogram 2025–2029...) и Партия прогресса (ПП) (Fremskrittspartiets partiprogram 2025–2029...) не только поддержали ключевые положения стратегии, но и выступили за институциональное укрепление новой логики оборонного планирования. «Хёйре» предлагает ускоренное наращивание военного потенциала, усиление промышленного сотрудничества с союзниками и постепенное сближение с ЕС – вплоть до возможного вступления в организацию. Партия прогресса, в свою очередь, акцентирует внимание на укреплении национального компонента безопасности: при полной поддержке НАТО и усилении северного направления, ПП предлагает свёртывание участия в миссиях ООН, сокращение помощи развивающимся странам и приоритет внутренней стабильности. Обе партии требуют существенного увеличения оборонного бюджета и расширения полномочий структур гражданской и территориальной обороны.

Более мягкую, но концептуально значимую позицию заняли «Венстре» (Venstres stortingsvalgprogram 2025–2029...) и Христианская народная партия (Politisk program for 2025–2029...). Они поддерживают необходимость стратегического поворота, однако предлагают расширенное толкование безопасности. В центре их внимания – климатические, гуманитарные и правозащитные аспекты. Значительное внимание уделяется вопросам гендерного равенства в вооружённых силах, защите прав человека в чрезвычайных ситуациях, контролю спецслужб. Такая позиция указывает на стремление расширить рамки оборонной политики за пределы классической безопасности, объединив гуманитарные, экологические и социальные компоненты.

Левый спектр, представленный Социалистической левой партией (СЛП), «Зелёными» и «Красными», демонстрирует различные степени критичности по отношению к стратегии. Если первые две партии принимают необходимость цифровой и военной безопасности, одновременно предупреждая о рисках милитаризации (SVs arbeidsprogram 2025–2029...; MDG Arbeidsprogram 2025–2029...), то «Красные» предлагают альтернативную парадигму: восстановление нейтралитета, выход из НАТО и отказ от внешнеполитической зависимости (Rødts arbeidsprogram – Bokmål For perioden 2025–2029...). Арктика в их представлении должна оставаться демилитаризованной зоной, а разведывательные службы – подлежать строгому парламентскому контролю. Хотя эти идеи и остаются на периферии политического мейнстрима, само их появление указывает на наличие в обществе тревоги перед утратой стратегического суверенитета.

Особняком стоит позиция Рабочей партии (РП), от имени которой и была представлена стратегия. В своей программе партия подчёркивает приоритет комплексной устойчивости – как военной, так и цифровой, промышленной и институциональной (Arbeiderpartiets partiprogram 2025...). Значительное внимание уделяется укреплению присутствия в северных регионах, созданию логистической инфраструктуры, стимулированию оборонной промышленности и контролю иностранных инвестиций. В этом видится стремление конвертировать стратегические установки в конкретные политико-экономические механизмы.

На электоральном уровне эти установки нашли отражение в росте популярности Рабочей партии и Партии прогресса (до 28–29%), что указывает на общественный запрос на чёткую, суверенную линию. Такая логика согласуется с выводами исследований о мобилизационном эффекте угроз (Hetherington, Nelson 2003): в периоды международной нестабильности электорат склонен поддерживать силы, которые способны предложить комплексный и убедительный ответ на вызовы безопасности.

Одновременно рост популярности «Красных» и СЛП указывает на то, что тема безопасности становится фактором не только консолидации, а поляризации. Несмотря на формаль-

ное одобрение стратегии большинством парламентских сил, в её рамках продолжается конкуренция ценностных интерпретаций, что свидетельствует о превращении стратегии в арену политического соперничества. В этом контексте она выступает не только как технократический инструмент планирования, но и как объект мобилизационного дискурса. Переход от обороны как функциональной сферы к безопасности как политическому понятию сопровождается попытками легитимировать новые формы перераспределения ресурсов, усиления государственного контроля и пересмотра границ допустимого в условиях «обороняющейся демократии». Таким образом, стратегия становится не просто ответом на угрозы, но и площадкой для определения новых концептуальных основ национального суверенитета.

### **Итоги парламентских выборов и их влияние на политику безопасности**

Выборы 8 сентября 2025 г. закрепили безопасность в качестве основного критерия политического выбора. Результаты продемонстрировали сохранение доверия к Рабочей партии, получившей около 28% голосов и сохранившей возможность сформировать правительство во главе с Й. Г. Стёре. Неожиданным стало исторически высокое достижение Партии прогресса – 23,8%, что превратило её в главную оппозиционную силу. «Хёйре», напротив, показала худший результат за последние десятилетия (14,6%), что указывает на перераспределение электората в пользу более жёсткой и популистской риторики. В сумме это создало двойственную картину: сохранение красно-зелёного большинства в стортинге при явном усилении правого давления в общественных дебатах (Скрипка 2025).

Таким образом, распределение голосов отразило сочетание запроса на предсказуемость и стремления части общества к более радикальному ответу на вызовы безопасности. Левоцентристская коалиция получила мандат на продолжение курса, заложенного в Национальной стратегии безопасности 2025 г., но вынуждена учитывать возросшее влияние Партии прогресса, чьи позиции в вопросах оборонной политики становятся фактором парламентских дискуссий. Даже без участия в правительстве эта партия способна формировать повестку, требуя ускоренного наращивания военного потенциала и жёсткого ограничения международных обязательств, которые воспринимаются ею как отвлекающие от национальной проблематики.

Сам факт сохранения власти Рабочей партией можно трактовать как предпочтение электоратом курса системной адаптации к новым угрозам, а не резкой милитаризации. Избиратели подтвердили готовность к постепенному увеличению оборонного бюджета и модернизации северных подразделений, но при этом оставили пространство для компромисса между военной сферой и социальными обязательствами государства. Успех центристских и левых союзников Рабочей партии также сигнализирует, что часть населения настороженно относится к перспективам форсированной милитаризации и выступает за сохранение гуманитарного и дипломатического измерения безопасности.

Практически это означает, что в ближайшие годы Осло будет укреплять оборонные возможности в Арктике и субарктических регионах, но избегая резких шагов, способных вызвать ответные меры Москвы или чрезмерное напряжение с союзниками. Обсуждается развитие инфраструктуры в губернии Финнмарк и модернизация комплексов противовоздушной обороны, но речь идёт скорее о постепенном усилении, чем о создании новых иностранных баз в ускоренном режиме. Такой курс позволяет одновременно поддерживать союзнические обязательства и сохранять общественный консенсус.

Особое значение для электорального цикла имеет институционализация концепции «тотальной обороны» (Wrangé, Bengtsson, Brommesson 2024). Победа левоцентристов закрепила её как системный ориентир: защита критической инфраструктуры, регулирование иностран-

ных инвестиций, кибербезопасность и подготовка населения к кризисам теперь рассматриваются как равноправные компоненты национальной обороны. Таким образом, выборы не только определили соотношение сил партий, но и закрепили расширенное понимание безопасности как межсекторальной задачи, требующей участия не только армии и спецслужб, но и бизнеса, гражданских институтов и местных сообществ.

Сохраняется и пространство для ограниченного диалога с Россией. Несмотря на закреплённое восприятие Москвы как источника долгосрочного риска, новая конфигурация власти оставляет возможность для контактов в сферах рыболовства, управления арктическими экосистемами и научных проектов. Этот формат не означает возвращения к прежнему уровню доверия, но отражает стремление минимизировать риски эскалации и сохранить каналы прагматического взаимодействия.

В целом итоги выборов 2025 г. зафиксировали компромиссный сценарий: Норвегия вступает в период структурного усиления оборонного потенциала и интеграции с союзниками, но делает это в рамках модели, осторожно ограничивающей резкие внешнеполитические повороты. Победа Рабочей партии придала устойчивость линии, основанной на постепенной модернизации и развитии институциональной устойчивости, тогда как успех Партии прогресса обозначил наличие мощного запроса на жёсткий курс, способного в будущем изменить расстановку сил.

### **Риски безопасности в Балтийско-Скандинавском макрорегионе**

Закрепление безопасности в качестве ключевого электорального маркера немедленно отразилось на внешнеполитической и оборонной повестке, определив приоритеты Норвегии в Балтийско-Скандинавском макрорегионе. Партийный консенсус по вопросу усиления обороны, сложившийся в ходе избирательной кампании, транслировался в конкретные шаги: усиление оборонной инфраструктуры, перераспределение ответственности в рамках НАТО. Страна становится одновременно «локомотивом» регионального курса и «стратегическим фильтром», способным сглаживать конфронтационные риски в Северной Европе.

Уже в 2025 г. Осло активизировал подготовку и усиление своей роли в северных широтах: все виды вооружённых сил задействованы в повышении активности в Арктике и проведении учений. Например, Норвежская армия официально создала бригаду в Финнмарке с задачей усилить влияние и обороноспособность в приграничной зоне и облегчить взаимодействие с союзниками (Edvardsen 2025a). Одновременно НАТО направляет морские соединения в арктические воды<sup>1</sup> для расширения присутствия в стратегически значимых морских коридорах. Эти шаги делают Норвегию узловым звеном давления на Москву в Баренцевом море и Арктике (Gosselin-Malo 2025).

Норвежская инициатива закрепления региональных командных и операционных центров усиливает её роль как узлового государства оборонной архитектуры. Создание Объединённого центра авиационного командования НАТО в губернии Будё, позволит координировать воздушные операции в арктических широтах, Балтике и Баренцевом море, что усиливает стратегическую значимость Норвегии. Такой командный пункт обеспечивает контроль и коммуникацию союзников в северной части Европы и укрепляет взаимную зависимость НАТО – Норвегия.

Появление подобных узловых центров и развитие инфраструктуры создаёт новую карту распределения ответственности: соседние страны (Швеция, Финляндия, Исландия и Дания) будут взаимодействовать с Норвегией не просто как с партнёром, но как с координатором

<sup>1</sup> Например, 1-ю постоянную военно-морскую группу НАТО (англ. *Standing NATO Maritime Group 1, SNMG1*).

операций в Северной Европе. Это укрепляет северное сотрудничество, но также усиливает давление на Осло, пытающийся поддерживать баланс между преобладанием оборонного курса и сохранением дипломатических каналов.

Российско-норвежские отношения приобретают новый оттенок: несмотря на жёсткую официальную риторику, Норвегия остаётся заинтересованной в сохранении узконаправленных каналов сотрудничества, особенно по вопросам Арктики, науки, судоходства и экологии. Новый курс допускает «технический диалог» в строго ограниченных областях, но при этом риторика и наращивание оборонного потенциала существенно ужесточаются. Как пример – сообщение о трёх нарушениях норвежского воздушного пространства, зафиксированных в сентябре 2025 г., что потребовало официальных заявлений дипломатов с обеих сторон (Norge slutter seg... 2025).

Продолжает обостряться вопрос Шпицбергена. Россия обвиняет Норвегию в милитаризации архипелага (О милитаризации Норвегией... 2025), что Осло категорически отвергает, ссылаясь на положения Договора о Шпицбергене, запрещающего открывать военные базы и вести деятельность, подрывающую режим территории. Такие обвинения усиливают конфликтность, особенно если Норвегия продолжит развивать инфраструктуру и присутствие на архипелаге.

В регионе усиливается военно-морская коалиция НАТО. Альянс уже направил корабли в арктическую зону и активизирует морские патрули вблизи северных морских путей, охватывая арктическую часть Северного ледовитого океана. Это усиливает стратегический контроль над Северным морским путём, но одновременно создаёт напряжение вокруг морских коммуникаций и подводной активности.

Новое значение приобретают региональные учения, среди которых «Арктический свет 2025», проводимое в Гренландии с участием сил из Дании, Германии, Швеции и Норвегии. Они укрепляют готовность союзников реагировать на кризисные сценарии в Арктике и подчёркивают необходимость гражданской и военной взаимопомощи (Edvardsen 2025b). Подобные форматы расширяют зоны ответственности стран и усиливают необходимость для Норвегии выступать в роли «менеджера» региональной безопасности.

Социально-экологические вызовы возрастают: инвестиции в оборонную инфраструктуру и усиление логистики в северных областях будут прямо затрагивать, а иногда противоречить интересам коренных народов, защите арктической природы и климатическим ограничениям. На практике это может приводить к спорам вокруг размещения баз, дорог, энергетических объектов, особенно в чувствительных экологических зонах.

Вдобавок растущая роль гибридной и кибербезопасности в региональной повестке, которая была обозначена в отчётах об угрозах безопасности Норвегии и Швеции, ведёт к формированию коллективных систем раннего оповещения, усилению обмена разведанными и институционализации гражданской защиты на уровне северных стран. Предполагаемые случаи нарушений воздушного пространства и проникновений беспилотных летательных аппаратов заставляют страны региона рассматривать воздушную и киберсферу как часть национальной безопасности (Forsvars-ministeren: Dronene 2025).

Наконец, усилиями Норвегии изменяется региональное распределение ответственности внутри НАТО: Осло становится точкой координации, центром логистики и «форпостом» политики Альянса на Севере. При этом страна вынуждена балансировать – отвечать на ожидания союзников, но не допускать дестабилизирующих шагов, которые могли бы спровоцировать эскалацию. Такой подход «сдерживания и умиротворения» (Игошин 2025) остаётся выбором Норвегии: быть прочной опорой коллективной безопасности, сохраняя пространство



для прагматического взаимодействия с Россией, где это возможно, и минимизируя риски конфронтации на границе с ней.

\* \* \*

Анализ избирательного цикла 2025 г. в Норвегии показывает, что безопасность превратилась в центральный электоральный маркер, структурирующий партийную конкуренцию и общественные ожидания. Если ранее вопросы обороны и стратегической устойчивости воспринимались как периферийные в сравнении с социальными или экономическими проблемами, то в условиях геополитической турбулентности и обострённого восприятия внешних угроз они стали определяющими для значительной части электората. Это подтверждается не только социологическими данными, но и трансформацией программ ведущих партий, которые вынуждены демонстрировать свою компетентность в сфере безопасности, что соответствует логике значимых вопросов в современной теории электорального поведения.

Итоги выборов подтвердили двойственность общественного запроса: с одной стороны, сохранение доверия к левоцентристской коалиции во главе с Рабочей партией свидетельствует о поддержке курса на системную и институционализированную мобилизацию, включающую военные, цифровые и экономические компоненты; с другой стороны, рост популярности правопопулистских сил отражает требование жёсткой, более национально ориентированной линии в сфере обороны и контроля ресурсов. Такая комбинация укрепила умеренный вариант стратегической мобилизации, при котором военное строительство и интеграция с НАТО сопровождаются ограниченным диалогом с РФ по арктическим и гуманитарным вопросам, что позволяет Норвегии сохранить образ предсказуемого и ответственного актора.

В этом контексте безопасность перестаёт быть исключительно вопросом внешней политики и превращается в категорию внутренних проблем. Политические силы вынуждены определять не только стратегии обороны, но и способы соотнесения их с социальным контрактом, экономической устойчивостью и ценностями «государства благосостояния». Электоральная конкуренция 2025 г. показала, что именно способность предложить модель безопасности, сочетающую военные, цифровые, энергетические и гуманитарные измерения, становится критерием политической состоятельности партии.

Таким образом, выборы 2025 г. закрепили переход Осло к парадигме структурной мобилизации, где безопасность трактуется как всеобъемлющая категория, объединяющая военные, социальные и экономические измерения. Этот переход не только определяет внутреннее соотношение сил, но и формирует новые контуры региональной политики, где ключевым вызовом остаётся поиск равновесия между усилением обороны и сохранением каналов ограниченного диалога. В долгосрочной перспективе именно способность Норвегии удерживать этот баланс определит её роль в системе североευропейской и арктической безопасности.

### Список литературы/References

Arbeiderpartiets partiprogram. Trygghet for morgendagen, tro på framtida. Available at: <https://www.arbeiderpartiet.no/om/program/> (accessed 12.07.2025).

Buzan, B., Waever, O., de Wilde, J. (1998). *Security: A New Framework for Analysis*. London: Lynne Rienner Publishers.

Edvardsen, A. (2025). Arctic Light 2025: Dansk militær beredskapsøvelse på Grønland med Nato-allierte. High North News. 05.09.2025. Available at: <https://www.highnorthnews.com/nb/arctic-light-2025-dansk-militaer-beredskapsøvelse-pa-gronland-med-nato-allierte> (accessed 05.10.2025).

Edvardsen, A. (2025). Finnmarksbrigaden er etablert: – En milepæl i Hærens historie. High

North News. 21.08.2025. Available at: <https://www.highnorthnews.com/en/norway-establishes-new-brigade-north> (accessed 05.10.2025).

Eriksen, P.S. (2025). Ny norsk sikkerhetsstrategi – hva betyr det for næringslivet? Braekhus. 08.05.2025. Available at: <https://braekhus.no/ny-norsk-sikkerhetsstrategi-hva-betyr-det-for-naeringslivet/> (accessed 05.10.2025).

Forsvars-ministeren: Dronene over Norge er overvåknings-droner. Verdens Gang. 29.09.2025. Available at: <https://www.vg.no/nyheter/i/Oow7bE/forsvarsministeren-dronene-over-norge-er-overvaakingsdroner> (accessed 05.10.2025).

Fremskrittspartiets partiprogram 2025–2029. Available at: <https://www.frp.no/files/Program/2025/FrP-Partiprogram-2025-2029.pdf> (accessed 12.07.2025).

Gosselin-Malo, E. (2025). NATO sends warships to patrol Arctic waters. Defence News. 01.08.2025. Available at: <https://www.defensenews.com/global/europe/2025/08/01/nato-sends-warships-to-patrol-arctic-waters> (accessed 05.10.2025).

Hetherington, M. J., Nelson, M. (2003). Anatomy of a Rally Effect: George W. Bush and the War on Terrorism. PS: Political Science & Politics 36(1): 37–42. DOI: 10.1017/S1049096503001665

Høyres valgprogram 2025–2029. Available at: <https://hoyre.no/politikk/partiprogram/> (accessed 12.07.2025).

MDG Arbeidsprogram 2025–2029. Available at: [https://mdg.no/\\_service/505809/download/id/1506077/name/MDGs+arbeidsprogram+2025-2029.pdf](https://mdg.no/_service/505809/download/id/1506077/name/MDGs+arbeidsprogram+2025-2029.pdf) (accessed 12.07.2025).

Nasjonal sikkerhetsstrategi. Regjeringen. 08.05.2025. Available at: <https://www.regjeringen.no/no/dokumenter/nasjonal-sikkerhetsstrategi/id3099304/> (accessed 11.07.2025).

Noe dramatisk har skjedd med norske velgere. Aftenposten. 10.04.2025. Available at: <https://www.aftenposten.no/norge/politikk/i/nyKpen/forsvar-og-sikkerhet-er-den-viktigste-saken-for-norske-velgere> (accessed 11.07.2025).

Norge slutter seg til Natos fordømmelse av russisk krenkelse av alliert luftrom. Regjeringen. 23.09.2025. Available at: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/norge-slutter-seg-til-natos-fordommelse-av-russisk-krenkelse-av-alliert-luftrom/id3119874> (accessed 05.10.2025).

Norske velgere har endret mening. To saker er blitt mye viktigere i løpet av sommeren. Aftenposten. 19.08.2021. Available at: <https://www.aftenposten.no/norge/politikk/i/k6Mz7A/norske-velgere-har-endret-mening-to-saker-er-bli-tye-viktigere-i-loepet-av-sommeren> (accessed 11.07.2025).

Nytt NATO-senter for luftoperasjoner legges til Bodø. Regjeringen. 20.05.2025. Available at: <https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/norway-proposes-bodo-as-location-for-new-nato-air-operations-centre/id3101736/> (accessed 05.10.2025).

Rødts arbeidsprogram – Bokmål For perioden 2025 – 2029. Available at: <https://roedt.no/fil/f55e933a9fb27aeda2e87c2c0eccc42ee781810c.pdf?dl=> (accessed 12.07.2025).

Skatvold, U.A. (2025). Ble politiet glemt da den nasjonale sikkerhetsstrategien ble skrevet? Politiets Fellesforbund. 28.05.2025. Available at: <https://pf.no/aktuelt/samfunnsansvar/ble-politiet-glemt-da-den-nasjonale-sikkerhetsstrategien-ble-skrevet> (accessed 05.10.2025).

Stokes, D.E. (1963). Spatial Models of Party Competition. American Political Science Review 57(2): 368–377. DOI: 10.2307/1952828

SVs arbeidsprogram 2025–2029 på bokmål. Available at: <https://www.sv.no/wp-content/uploads/2025/06/arbeidsprogram-2025-2029-pa-bokmal.pdf> (accessed 12.07.2025).

Tassama, A.H. (2024). Aftenposten. 20.11.2024. Available at: <https://www.aftenposten.no/norge/i/Ooagv3/svenskene-ber-alle-vaere-klare-til-aa-forsvare-landet-i->

norge-er-budskapet-annerledes (accessed 05.10.2025).

Trygghet for hverdagen. KRF Stortingsprogram 2025–2029. Available at: <https://krf.no/content/uploads/2020/09/Partiprogram-2025-2029.pdf> (accessed 12.07.2025).

Venstres stortingsvalgprogram 2025–2029. Available at: <https://www.venstre.no/politikk/partiprogram/program-2025-2029/> (accessed 12.07.2025).

Wrange, J., Bengtsson, R., Brommesson, D. (2024). Resilience through total defence: Towards a shared security culture in the Nordic–Baltic region? *European Journal of International Security* 9(4): 511–532. DOI: 10.1017/eis.2024.15

Гриняев, С.Н. (2025). Военно-политическая трансформация стран Северной Европы: Арктический регион // *Современная Европа* 5: 131–141. [Grinyaev, S.N. (2025). The Military-Political Transformation of the North European Countries: Arctic Region. *Sovremennaya Evropa* (5): 131–141. (In Russian)]. DOI: 10.31857/S0201708325050110

Гриняев, С.Н. (2025). Новая арктическая стратегия Норвегии 2025 года: вызовы и риски для российских интересов в Арктике // *Аналитические записки Института Европы РАН* 25(43): 39–46. [Grinyaev, S.N. (2025). Norway's New Arctic Strategy 2025: Challenges and Risks for Russian Interests in the High North. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN* 3(43): 39–46. (In Russian)].

Игошин, Н.К. (2025). «Сдерживание и умиротворение»: двойная политика Норвегии в отношении России // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН* 4: 7–16. [Igoshin, N.K. (2025). Deterrence and Reassurance: Norway's Dual Policy toward Russia. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN* 46(4): 7–16. (In Russian)]. DOI: 10.15211/vestnikieran42025716

О милитаризации Норвегией и ее союзниками архипелага Шпицберген. МИД РФ. 14.03.2025. [On the Militarization of the Svalbard Archipelago by Norway and its Allies. The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 14.03.2025. (In Russian)]. Available at: [https://mid.ru/ru/foreign\\_policy/news/2003311/](https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2003311/) (accessed 05.10.2025).

Скрипка, И.Р. (2025). Парламентские выборы 2025 года в Норвегии // *Аналитические записки Института Европы РАН* 3(43): 59–64. [Skripka, I.R. (2025). Parliamentary Elections 2025 in Norway. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN* 3(43): 59–64. (In Russian)]. DOI: 10.15211/analytics32820255964